Международные процессы, Том 14, № 1, сс. 121–142
DOI 10.17994/IT.2016.14.1.44.10

ТРАНСФОРМАЦИЯ АМЕРИКАНО-ЯПОНСКОГО СОЮЗА[1]

ИГОРЬ ИСТОМИН
КОНСТАНТИН ВОДОПЬЯНОВ
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Перераспределение сил в группе ведущих держав, связанное с относительным ослаблением позиций США на мировой арене, вызывает трансформацию системы взаимоотношений государств в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Среди прочего, оно оказывает воздействие на развитие американо-японского альянса, который на протяжении последних десятилетий оставался одним из наиболее устойчивых элементов региональной архитектуры в Восточной Азии. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы выявить противоречия в эволюции американо-японского военно-политического союза и определить актуальные тенденции его развития. В работе анализируются особенности современной глобальной системы и характер противоречий между США и КНР. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на наличие разногласий между сторонами, их конкуренция носит ограниченный характер. В то же время дополнительные осложнения во взаимодействии двух стран могут быть вызваны политикой третьих игроков. Обострение противоречий между Китаем и Японией может привести к втягиванию США в развитие их соперничества.

В статье рассматриваются основные положения современной теории военно-политических союзов, и анализируется возможное влияние дилеммы альянсов на поведение держав. Кроме того, она включает в себя осмысление эволюции американо-японских отношений в военно-политической сфере с 1950-х годов. Авторы приходят к выводу, что по сравнению с периодом биполярности характер противоречий в рамках этого двустороннего альянса существенно изменился. Если до 1990-х годов основные опасения Японии были связаны с вероятностью втягивания в инициированные США конфликты, то сегодня Токио гораздо больше беспокоит перспектива остаться без американской поддержки в его противоречиях с Китаем. Соединенные Штаты, напротив, в последние десятилетия вынуждены больше полагаться на японское содействие в военно-политической и военно-технической областях. Вместе с тем они обеспокоены рискованными шагами Токио в отношении КНР.

Ключевые слова:

американо-японский союз; стратегия США; ограничения на вооруженные силы Японии; правительство Синдзо Абэ; Азиатско-Тихоокеанский регион; подъем Китая.

Первая половина 2010-х годов была отмечена растущим числом публикаций, посвященных развитию отношений между ведущими державами в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Calder 2010; Pyle 2011; Колдунова 2011; Киреева 2013; Чугров 2014; Posen 2015; Стрельцов 2015]. Многие из них подчеркивают весомую роль, которую продолжает играть американо-японский союз в развитии транстихоокеанских связей, несмотря на изменение соотношения сил в этой части мира. В частности,

[1]Статья подготовлена при поддержке НИР МГИМО МИД России

Для связи с автором / Corresponding author:
Email: iaistomin@gmail.com

подчеркивается ценность отношений с Токио для Вашингтона в условиях его все более явной конкуренции с Пекином [Mead 2014; Pei 2014; Green, Cooper 2015].

Вместе с тем опубликованные отечественные работы по этому вопросу зачастую характеризуются описательностью, фокусированием на последствиях сотрудничества США и Японии для России и Китая, недостаточным вниманием к внутренней динамике взаимодействия между союзниками [Носов 2010; Крупянко, Арешидзе 2010; Парамонов 2011; Добринская 2012][2].

Несмотря на то что на протяжении десятилетий Вашингтон и Токио неоднократно подтверждали приоритетный характер двусторонних отношений, их практическое наполнение со временем менялось. Трансформация союза вызвана двумя группами причин. С одной стороны, она объективно обусловлена эволюцией внешней среды, постепенным разрушением постбиполярного миропорядка. С другой – становится результатом проводимой Токио ползучей ревизии ограничений, наложенных после Второй мировой войны. Апогеем этого процесса стало снятие законодателями в мае 2015 г. некоторых барьеров для деятельности японских вооруженных сил за рубежом.

Настоящая статья призвана раскрыть логику отношений между двумя участниками альянса и проследить ее влияние на их практические действия в военно-политической области. С этой целью в ней, прежде всего, рассматривается стратегический контекст отношений Вашингтона и Токио через призму американо-китайского соперничества и сотрудничества. Затем оценивается современный уровень теоретического осмысления «дилеммы альянсов». После этого анализируются эволюция японо-американского военно-политического союза, его современное состояние и перспективы трансформации.

1

Изменение соотношения сил в глобальном масштабе и Азиатско-Тихоокеанском регионе с конца 2000-х годов превратилось в одну из центральных тем обсуждения специалистов по международным отношениям. Провалы внешней политики Соединенных Штатов в Ираке и Афганистане, а также «Великая рецессия» 2008–2009 годов спровоцировали интеллектуальные спекуляции относительно параметров будущего «постамериканского мира» и возможных путей перехода к нему [Zakaria 2008; Layne 2012; Reich, Lebow 2014]. Хотя ряд специалистов подвергает сомнению тезис о надвигающейся утрате Вашингтоном ведущих позиций в мировой системе [Brown 2013; Nye 2015; Monteiro 2014], подобный взгляд все больше расходится с интеллектуальным мейнстримом, а имеющиеся долгосрочные прогнозы предполагают дальнейшее сокращении отрыва США от ближайших преследователей по большинству традиционных показателей мощи[3].

В качестве наиболее вероятного конкурента нынешней сверхдержавы рассматривается Китай. За три с половиной десятилетия форсированного экономического роста КНР существенно нарастила свой вес в мировом хозяйстве,[4] что привело к активизации внешней политики Пекина и укреплению его международно-политических позиций [Мамонов 2010].

[2]За исключением частично: [Семин 2010], в которой упоминаются дискуссии в японском истеблишменте относительно переориентации с Вашингтона на Пекин, а также [Smith 2014; Ogata 2012]

[3]Global Trends 2030: Alternative Worlds. U.S. National Intelligence Council. NIC 2012–001. December 2012. P. 36–37. URL: http://www.dni.gov/files/documents/GlobalTrends_2030.pdf. В то же время, в научной литературе продолжается дискуссия относительно соотнесения ресурсов государства и его влияния на мировую политику, см. [Юдин 2015: 97–99].

[4]Более того, осенью 2014 года Китай даже обогнал США по объему экономики в расчете по паритету покупательной способности. Вместе с тем по обменному курсу его ВВП составляет лишь две трети от американского. Более подробный разбор потенциала Китая в сравнении с другими азиатскими державами см. [Киреева 2013].

Новая расстановка сил потребовала от США большего внимания к выстраиванию американо-китайского взаимодействия, прежде всего по глобальным вопросам (таким, как реформа мировой финансовой системы, обеспечение информационной безопасности, противодействие изменению климата). При этом в фокусе отношений двух стран остается проблематика Азиатско-Тихоокеанского региона. Двустороннее взаимодействие составляет причудливую комбинацию сотрудничества и соперничества.

Нарастание противоречий между США и Китаем в АТР стало особенно очевидным после мирового финансово-экономического кризиса 2008 года [Christensen 2011; Колдунова 2014; Братерский, Суслов 2014; Mead 2014]. Объяснением этой динамики может служить как объективное сокращение отрыва США от Китая в объемах ВВП и других показателях экономической мощи, так и субъективное восприятие Соединенных Штатов как слабеющего гегемона.

Вопреки успокаивающей риторике с обеих сторон, соперничество ярко проявляется в экономической сфере – в виде конкуренции альтернативных интеграционных и инфраструктурных проектов. В то время как Соединенные Штаты завершили согласование Транстихоокеанского партнерства (ТТП), КНР активно участвует в формировании Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), а также выступает с инициативами Экономического пояса шелкового пути и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций[5]. Обеспокоенность по поводу действий противоположной стороны обусловлена не только тем, что Пекин не пригласили в ТТП, а США не участвуют в построении ВРЭП, но и обоюдным стремлением конкурентов использовать эти инициативы для моделирования выгодных каждому из них правил функционирования всей международной торговой системы.

В военно-политической области противоречия ярко проявились в 2010-2011 годах, когда Вашингтон открыто поддержал страны АСЕАН в их спорах с Китаем по поводу островов в Южно-Китайском море[6]. После краткосрочной стабилизации с 2014 г. действия Пекина в этих конфликтах снова становятся источником озабоченности Соединенных Штатов. Несмотря на то что США не являются их непосредственным участником, американский курс на интернационализацию урегулирования несовместим с китайской заинтересованностью обсуждать территориальные споры с Вьетнамом, Малайзией и Филиппинами на двусторонней основе [Гарри 2015].

Наряду с открытыми проявлениями взаимного недовольства, конкуренция выражается в противоположных подходах каждой из держав к развитию собственных инструментов проецирования военной мощи в регионе. Соединенные Штаты с беспокойством наблюдают за ускоренной модернизацией китайских вооруженных сил [O'Rourke 2015]. Их беспокойство вызывает то, что КНР сделала упор на развитие сил и средств способных ограничить свободу действия американского флота вблизи собственных границ и добилась существенных успехов в этом [Montgomery 2014; Kearn 2014]. Кроме того, опасения Вашингтона вызывают планы Пекина по формированию авианосных соединений [Cheng,

[5]Триггером обострения конкуренции в экономической области стало озвученное в 2011 году госсекретарем Х. Клинтон требование перехода к «справедливой» торговле, подразумевавшее получением КНР односторонних преимуществ благодаря протекционистской политике, эксплуатации низких социальных и экологических стандартов (см. Clinton H.R. Remarks on Principles for Prosperity in the Asia-Pacific. Shangri La, Hong Kong. July 25, 2011. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/07/169012.htm).

[6]Подробнее о противоречиях вокруг Парасельских островов и архипелага Спратли см. Cooperation from Strength. The United States, China and the South China Sea. Center for New American Security. January 2012. URL: http://www.cnas.org/files/documents/publications/CNAS_CooperationFromStrength_Cronin_1.pdf/

Paladini 2012], которые будут способствовать превращению китайского флота в инструмент проецирования силы в глобальном масштабе.

Объявленный Вашингтоном в 2012 г. «разворот в Азию» предполагает наращивание военного присутствия Соединенных Штатов по всему периметру тихоокеанского пространства[7]. В последние годы наблюдается активизация военного присутствия и разведывательной деятельности американских вооруженных сил вблизи китайских границ. Подобные действия становятся предметом беспокойства Пекина[8].

Расширение противоречий в военно-стратегической сфере не перерастает во фронтальное противостояние двух держав. Напротив, их отношения характеризуются глубокой экономической взаимозависимостью [Morrison 2015: 2-27] и поддержанием интенсивного политического диалога[9]. Соединенные Штаты неоднократно заявляли о своей готовности признать большую роль Китая на международной арене, при условии его согласия с базовыми основами существующего порядка, а, значит, и с привилегированным положением США[10]. Пекин, в свою очередь, неизменно подчеркивает стремление к поддержанию мирного, благоприятного окружения для обеспечения внутреннего развития[11]. Проявления конкуренции сбалансированы заинтересованностью обеих стран в поддержании международной стабильности и осознанием катастрофических последствий потенциальной эскалации враждебности.

2

Большинство оптимистичных оценок текущего сочетания сотрудничества и конкуренции в отношениях США и Китая, а также перспектив их развития построено на уверенности в рациональном характере действий игроков. Каждая из сторон заинтересована в поддержании собственной безопасности, максимизации богатства, повышении статуса и предотвращении катастрофических потерь. Подобные ожидания представляются оправданными в контексте двусторонних отношений Вашингтона и Пекина[12].

Вместе с тем в последнее время внимание исследователей привлекает влияние на взаимодействие государств обязательств, данных третьей стороне. Сама по себе эта проблема не является новой. Хрестоматийный пример эскалации конфронтации между великими державами в результате обострения противоречий между менее влиятельными государствами дает начало Первой мировой войны [Maier 2015]. История международных отношений в Восточной Азии периода «холодной войны» также демонстрирует, как пробле-

[7]В частности, он предполагает размещение в АТР 60% американских ВВС и флота к 2020 г. (см. Work R. Remarks of the Deputy Secretary of Defense on the Asia–Pacific Rebalance. Council on Foreign Relations. September 30, 2014. URL: http://www.cfr.org/asia-and-pacific/deputy-secretary-defense-robert-work-asia-pacific-rebalance/p35728).

[8]О причинах роста недоверия КНР к США см. [Lieberthal, Wang 2012; Ratner 2013]. Китайские представления о негативных результатах политики Барака Обамы для сохранения региональной стабильности в АТР нашли отражение в [Wei Ling 2013].

[9]Для укрепления и институционализации таких контактов в 2009 году стороны инициировали Американо–китайский стратегический и экономический диалог, который совместно курируют руководители дипломатических и экономических ведомств двух стран (см. Russel D.R. Preview of the Seventh U.S.–China Strategic and Economic Dialogue. Washington D.C., June 18, 2015. URL: http://fpc.state.gov/243965.htm).

[10]Еще в середине 2000–х годов подобное стремление было концептуализировано заместителем госсекретаря Робертом Зеликом с помощью понятия «ответственного заинтересованного лица» (responsible stakeholder) (см. Zoellick R.B. Whither China: From Membership to Responsibility? New York, September 21, 2005. URL: https://www.disam.dsca.mil/Pubs/Indexes/Vol%2028_2/Zoellick.pdf

[11]Xi eyes more enabling international environment for China's peaceful development. November 30, 2014. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-11/30/c_133822694.htm

[12]В частности, они согласуются с структурной теорией международной политики, относительно стабильности биполярных систем [Waltz 1979].

мы взаимодействия внутри межгосударственных союзов порождали риски для региональной подсистемы отношений [Christensen 2011]. Не удивительно, что в условиях осложнения отношений не только между Вашингтоном и Пекином, но и между Китаем и его соседями «дилемме альянсов» сегодня уделяется растущее внимание [Snyder 1997; Pressman 2008; Douglas 2014].

Наиболее часто встречающееся определение **межгосударственных союзов** (альянсов) рассматривает их как *соглашения между участниками, в рамках которых даются обязательства взаимной поддержки и практической помощи на случай конфликта с третьими странами* [Beckley 2015: 14]. Подобное объединение не обязательно должно быть построено на симметричных обязательствах и равном вкладе сторон. Напротив, в большинстве случаев в альянсах существует априори признаваемое неравенство[13].

Традиционно межгосударственные союзы воспринимаются как инструмент достижения интересов их участников. Само согласие сторон на объединение в рамках альянса подразумевает преобладание положительных последствий сотрудничества. Влияние великих держав нередко оценивается по их способности формировать и поддерживать сети союзников и клиентов [Brooks, Ikenberry, Wohlforth 2012/2013]. Кроме того, в случае сокращения разрыва в силовом потенциале между основным игроком и конкурентами, он может рассчитывать на мобилизацию ресурсов партнеров по альянсу [Maier 2015].

Успешный альянс невозможен при отсутствии взаимной практической выгоды [Sandler, Hartley 2001: 871]. В асимметричных союзах она, как правило, выражается в предоставлении гарантий более сильным государством и политической поддержкой со стороны менее влиятельных игроков. Таким образом, в их отношениях обеспечивается взаимодополняемость вкладываемых в сотрудничество ресурсов. В то же время у младших партнеров в альянсах неизбежно возникают сомнения относительно надежности предоставляемых лидером гарантий и его готовности вступиться за них в случае конфликта.

Подобные страхи очевидным образом возрастают по мере увеличения потенциальных затрат и рисков от возможной конфронтации [Christensen, Snyder 1990; Mearsheimer 1994]. Соответственно, по мере сокращения разрыва между США и Китаем в объемах экономики и качестве вооруженных сил, а также углубления их взаимозависимости, у союзников Вашингтона появляется все больше оснований для беспокойства относительно его решимости выполнять обязательства перед ними[14].

В свою очередь менее влиятельные участники альянсов обладают собственными интересами, не всегда совместимыми с целями лидера альянса, и стремятся к эксплуатации его возможностей, руководствуясь эгоистическими мотивами [Olson, Zeckhauser 1966]. Гарантии безопасности, которые предоставляют более сильные государства, могут быть использованы их партнерами для экономии на собственной обороне. В этой связи сотрудничество между странами зачастую связано с готовностью ведущего игрока нести материальные издержки в обмен на политические дивиденды [Lake 2013].

Более того, расчет со стороны союзников на помощь лидера может стимулировать их к проведению более рискованной политики, порождающей угрозу эскалации международных противоречий [Benson, Bentley, Lee Ray 2012]. Наличие сильного патрона снижает порог ответственности у участников альянса. Именно эта проблема в последние годы остро занимает американских исследователей, опасающихся,

[13]В частности, большую возможность построения союзов в условиях силовой асимметрии предполагает классическое исследование «баланса угроз» Ст. Уолта [Walt 1990].

[14]См., например, Kirk D. U.S. Asian Allies Ask: Is U.S. Ready To Fight China Over Small Islets? // Forbes. 3.05.2014. URL: http://www.forbes.com/sites/donaldkirk/2014/05/03/u-s-asian-allies-want-to-know-is-u-s-ready-to-go-war-with-china-over-island-disputes/.

что США могут быть втянуты в конфликт с Китаем, спровоцированный их региональными партнерами в АТР[15].

Ряд недавних теоретических исследований свидетельствует о возможностях лидера альянса предотвращать втягивание в периферийные конфликты под влиянием союзников. Они определяются как наличием явных оговорок в даваемых обязательствах, так и способностью к их гибкой интерпретации [Morrow 2010: 79; Kim 2011; Beckley 2015]. Тем не менее успешное предотвращение втягивания оказывается результатом сознательных политических решений, принимаемых ведущим государством во взаимодействии с другими членами союза, а не происходит автоматически. Лидер продолжает сталкиваться с дилеммой распределения ответственности, которая включает в себя установление пределов выдаваемых гарантий безопасности, подтверждение их надежности и сигнализирование условий их активации. Именно такие задачи стоят перед американским руководством в его отношениях с основными партнерами в АТР.

Дилемма альянсов связана и с умиротворяющим потенциалом союзнических обязательств, который не позволяет державе, ориентирующейся на поддержание статус-кво, отказываться от использования этого инструмента. Наличие доминирующей коалиции в системе само по себе снижает вероятность военно-политической конкуренции [Rosencrance 2015]. Кроме того, возможный потенциал альянса дополняется способностью ведущего государства целенаправленно влиять на союзников, побуждая их к ограничению собственных амбиций под угрозой отказа от своих обязательств [Schroeder 1976; Snyder 1997: 320; Pressman 2008: 2]. При всех эмпирических подтверждениях положительного влияния альянсов на повышение авторитета страны [Levy 1981], Соединенные Штаты сталкиваются с необходимостью минимизировать негативные аспекты своих союзнических обязательств и обеспечивать эффективное управление ими, что требует серьезных дипломатических усилий.

3

В отличие от Пекина, который традиционно избегает формальных обязательств в военной сфере, Вашингтон полагается на широкую сеть преференциальных военно-политических отношений со множеством партнеров в АТР. Истоки ее формирования относятся середине XX века, когда на фоне усиления противоречий с СССР, Соединенные Штаты осознали необходимость обеспечения в регионе постоянного присутствия. В основе созданной системы лежит принцип «оси и спиц», предполагающей выстраивание отношений в военно-политической области преимущественно на двусторонней основе (а не в рамках многостороннего объединения, как в Европе и Латинской Америке) [Cha 2009/2010; Панов 2013].

Принятая администрацией Б. Обамы стратегия «разворота в Азию» предполагает наращивание дипломатического и оборонного сотрудничества с широким кругом стран АТР. Соединенные Штаты увеличили свое военное присутствие в Австралии, расширили сотрудничество, в том числе в военно-политической области, с Сингапуром, Малайзией, Филиппинами, Индией, инициировали взаимодействие в сфере безопасности с Вьетнамом. Несмотря на то что подобные действия могут сформировать ожидания со стороны региональных игроков относительно дополнительной ответственности Вашингтона за их безопасность, США избегают распространения формальных гарантий по коллективной обороне.

Соединенные Штаты остаются связанными обязательствами военных союзов

[15]Carpenter T. Conflicting Agendas: The U.S. and Its East Asian Allies. URL: http://www.cato.org/publications/commentary/conflicting-agendas-us-its-east-asian-allies; Eland I. U.S. Alliances Encourage Asian Allies to Be More Antagonistic Toward China. // Huffington Post. 20.05.2014. URL: http://www.huffingtonpost.com/ivan-eland/us-alliances-encourage-as_b_5358379.html.

только с Австралией, Таиландом, Филиппинами, Южной Кореей, Японией (военные гарантии США распространяются также и на Тайвань, что позволяет говорить о наличие союза де-факто). При этом среди всех стран региона наибольшую значимость для Вашингтона сохраняют отношения с Токио.

Несмотря на то что Япония все больше уступает Китаю в размерах ВВП, она остается одной из крупнейших и наиболее развитых экономик мира[16]. Токио выступает влиятельным партнером США как на глобальной арене, так и в регионе. Он также включен в наиболее существенные военно-технические инициативы Вашингтона, прежде всего в развитие систем противоракетной обороны. На территории Японии размещается крупнейший американский контингент в АТР[17].

При всей значимости отношений с этой страной, именно она вызывает сегодня у руководства США серьезные опасения с точки зрения перспектив развития отношений с Китаем. За последние годы противоречия между Токио и Пекином обострились. И хотя в экономике они сохраняют высокий уровень взаимозависимости, политические отношения существенным образом деградировали. Пришедшее в 2012 г. к власти в Японии правительство Синдзо Абэ проводит жесткий курс в отношении КНР. Подобная политика входит в резонанс с обозначившейся в последние годы готовностью Пекина проводить наступательный курс по отношению к территориальным спорам с соседями[18].

Фокусом разногласий стали острова Сэнкаку/Дяоюйдао, на которые претендуют обе стороны. В частности, в 2010 г. взаимные обвинения спровоцировал арест китайского рыболовецкого судна японскими властями вблизи архипелага[19]. Спустя два года новое обострение противоречий вызвало решение японского правительства выкупить три острова у частного владельца[20]. В ноябре 2013 г. КНР распространила на архипелаг зону идентификации системы ПВО, что вызвало недовольство уже Токио[21]. При всей общественной значимости территориального спора, конкуренция за острова представляется частью более широких противоречий между двумя крупнейшими игроками в Восточной Азии за влияние и лидерство в регионе. Его обострение отражает возросшее взаимное недоверие между ними [Hosaka, Togo 2012].

С учетом стремления США сохранить преобладающее положение в АТР и в условиях тесной взаимозависимости с Китаем, Вашингтону выгодно переложить часть ответственности по сдерживанию внешнеполитических амбиций Пекина на региональных партнеров. В этом отношении противоречия между Японией и КНР могут служить его интересам. Вместе с тем США опасаются и дестабилизирующего влияния этого соперничества на региональную обстановку. Они не могут не считаться с распространенным восприятием Токио как агента их интересов, которое может привести к ухудшению отношений Соединенных Штатов не только с Китаем,

[16]По состоянию на 2014 год, ВВП Японии по ППС – третий в мире и превышает 4,6 трлн долл. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/01/weodata/weorept.aspx Дата доступа: 05.05.2015

[17]Manyin M.E., Daggett St., Dolven B., Lawrence S.V., Martin M.F., O'Rourke R., Vaughn B. Pivot to the Pacific? The Obama Administration's "Rebalancing" Toward Asia. Congressional Research Service Report. Washington D.C.: March 28, 2012. URL: http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a584466.pdf

[18]Glaser B. A Big Deal: China Changes Its Strategy Towards Japan. // The National Interest. 04.05.2015. URL: http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/big-deal-china-changes-its-strategy-towards-japan-12798

[19]McCurry J. Japan–China row escalates over fishing boat collision. // The Guardian. 09.09.2010. URL: http://www.theguardian.com/world/2010/sep/09/japan-china-fishing-boat-collision

[20]Islands apart. // The Economist. 15.09.2012. URL: http://www.economist.com/node/21562987

[21]Кирьянов О. Новая зона идентификации ПВО КНР стали причиной масштабного конфликта. // Российская газета. 23.11.2013. URL: http://www.rg.ru/2013/11/28/pvo-site-anons.html

но и с другими государствами региона, заинтересованными в поддержании стабильности. Склонность Токио к игре на обострение с Пекином может обострить "дилемму подтверждения обязательств" – избегания втягивания для Соединенных Штатов.

4

Истоки союза Вашингтона и Токио относятся к началу 1950-х годов: победа коммунистических сил в Китае и начало войны в Корее заставили Вашингтон в этот период пересмотреть отношения с ранее побежденной Японией. Обновленный курс предполагал восстановление формальной самостоятельности страны при закреплении ее в качестве инструмента американской политики в регионе.

С этой целью в 1951 г. США форсировали заключение Сан-Францисского мирного договора, который восстанавливал суверенитет Японии[22]. Документ обеспечивал юридическую основу для сохранения американских войск на территории страны, включая остров Окинава, и создавал проблемы урегулирования отношений с Китаем (из-за Тайваня и Сэнкаку/Дяоюйдао) и СССР (из-за южной части Курильских островов).

Параллельно был заключен Договор безопасности, в соответствии с которым Вашингтон обеспечивал защиту Токио в обмен на закрепление гарантий присутствия своих войск[23]. Он также обеспечивал реализацию японской конституции 1947 года, в соответствии с которой страна отказалась от наличия собственных вооруженных сил. Создаваемый альянс носил откровенно антисоветский и антикитайский характер [Hurst 2013]. В годы «холодной войны» он оставался основой американской политики сдерживания коммунистических держав в Азии.

На протяжении второй половины XX века отношения между союзниками никогда не были беспроблемными. Уже в период правления премьер-министра Итиро Хатояма в 1954–1956 годах Токио попробовал дистанцироваться от Вашингтона и нормализовать отношения с Москвой, что нашло отражение в Советско-японской совместной декларации[24], подкрепленной готовностью СССР к передаче японской стороне островов Хабомаи и Шикотан [Чугров 2015: 621–650].

На рубеже 1950-х–1960-х годов ожесточенную внутреннюю полемику в Японии вызвал вопрос обновления альянса с США и замены Договора безопасности 1951 г. новым соглашением. Оппозиция сотрудничеству в прежнем формате была связана как с опасениями относительно вероятности втягивания Токио в возможную эскалацию советско-американской конфронтации, так и с ограничениями во внешней и оборонной политике, накладываемыми неравноправным союзом и собственной конституцией [Packard 2010]. Тем не менее новый договор был подписан и ратифицирован японским парламентом в 1960 году[25]. По сравнению с предшествовавшим документом он сокращал возможности вмешательства США во внутреннюю политику союзника, но требовал от Токио формирования собственного (пусть и ограниченного) потенциала самообороны.

В конце 1960-х годов остро встал вопрос о восстановлении суверенитета Токио над островом Окинава и выводе американского тактического оружия. Одновременно тревогу в Японии вызвала доктрина Ник-

[22]Мирный договор с Японией. Сан-Франциско. 8 сентября 1951 г. // Системная история международных отношений 1918–2003. События и документы. в 4-х томах. Том 4. Документы. / под ред. А.Д. Богатурова. М.: НОФМО, 2003. Сс. 141–145.

[23]Security Treaty Between the United States and Japan. September 8, 1951. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/japan001.asp

[24]Совместная декларация Союза Советских Социалистических Республик и Японии от 19 октября 1956 г.// Декларации, заявления и коммюнике Советского правительства с правительствами иностранных государств. 1954–1957. М., 1957. С.313–316

[25]Treaty of Mutual Cooperation and Security between Japan and the United States of America. January 19th, 1960. URL: http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/q&a/ref/1.html

сона, которая отражала стремление США переложить большие затраты в сфере безопасности на союзников в регионе. В свою очередь, американское недовольство с 1960-х годов фокусировалось на внешнеэкономической политике Токио [Богатуров 1997: гл. 5]. К 1980-м годам стремительный хозяйственный рост Японии привел в Соединенных Штатах к оживленным дискуссиям относительно перспектив ее превращения не только в экономического, но и в политического конкурента.

Завершение «холодной войны» привело к исчезновению основной причины поддержания американо-японского альянса – противостояния коммунистическому блоку. Оно послужило размыванию его идентичности и временному снижению значимости во внешней политике обеих стран. В США понимали, что с коллапсом СССР неизбежно возникнет вопрос о целесообразности продолжения американского присутствия в Японии [Kupchan, Kupchan 1991; Fukuyama, Oh 1993; DiFilippo 2002; Kugler 2006; Ohtomo 2012] и, соответственно, о модификации американо-японского договора 1960 года [Фененко 2009].

В условиях трансформации международного порядка Токио стал предпринимать осторожные попытки по смягчению ограничений на собственный оборонный потенциал. В частности, в 1992 г. в стране был принят Закон о сотрудничестве в операциях по поддержанию мира и других операциях ООН, заложивший юридическую базу для направления Сил самообороны Японии за рубеж.

Влиятельнейший политик Итиро Одзава, внесший предложения о принятии вышеупомянутого закона [Buckley 1995: 153], и его единомышленники утверждали – участие Сил самообороны в зарубежных операциях не противоречит преамбуле конституции, признающей ответственность перед международным сообществом, так как станет вкладом в поддержание мира и позволит ей «занять почетное место в международном сообществе, стремящемся сохранить мир» [Pyle 1998: 132].

Обновленный взгляд на развитие альянса получил отражение в японо-американской декларации 1996 года, подписанной президентом У. Клинтоном и премьер-министром Р. Хасимото. За ней последовал пересмотр в 1997 г. «Руководящих принципов японо-американского сотрудничества в области обороны», развивавших ее положения и облекавших их в форму конкретного плана мероприятий. Стороны договорились обеспечить более глубокое взаимодействие между вооруженными силами и сотрудничать в обеспечении безопасности не только непосредственно Японии, но и всего АТР. Токио обязался оказывать тыловую поддержку американским силам в регионе.

Начало войны в Афганистане в 2001 г. способствовало дальнейшему расширению функционала Сил самообороны Японии, которые оказывали содействие другим участникам коалиции в борьбе с движениями Талибан и Аль-Каида. Они впервые после Второй мировой войны приняли участие в военной операции, пусть и в небоевом качестве. Этот шаг потребовал принятия Закона об особых мерах против террора, обеспечившего возможность легально направлять Силы самообороны за рубеж [Семин 2006: 46]. В развитие наметившегося курса в 2004 г. контингент Сил самообороны принял активное участие в военной кампании в Ираке, впервые выйдя за рамки участия в операциях санкционированных ООН.

С конца 1990-х годов было инициировано сотрудничество США и Японии в разработке систем противоракетной обороны, что означало выход на более высокий уровень военно-технической кооперации. Его интенсификации способствовало возобновление ядерной программы КНДР в 2002 году. С одной стороны, японские компании были допущены до участия в американских разработках по ПРО. С другой – Токио получил системы *Aegis* и *Patriot* для самообороны. Кроме того, стороны создали единый центр управления ПРО и ПВО, обеспечивающий синхронизацию действий японских и американских сил в регионе.

Значительную роль в укреплении сотрудничества Японии и США в сфере безопасности сыграл премьер-министр Дзюнъитиро Коидзуми. В период его правления был подписан ряд концептуальных документов, очерчивающих направления дальнейшего развития союза: концепция «Альянс в глобальном контексте» (2003), «Общие стратегические цели» (2005) и декларация «Японо-американский альянс нового века» (2006) [Добринская 2007: 85–86]. Таким образом, проводилась адаптация альянса к требованиям XXI века, была расширена роль Японии в обеспечении собственной безопасности и проведении операций под американским командованием. Из-за подобных мер, которые в соседних странах воспринимались как шаг к деконструкции послевоенного пацифистского законодательства Японии, а также открытой и демонстративной националистической риторики существенно осложнились отношения Токио с Китаем, Россией и Южной Кореей, а после ухода Дз. Коидзуми с поста премьер-министра в 2006 году – и с США.

С середины 1990-х годов союзники стали все более отчетливо чувствовать себя заложниками «двойной ловушки»: с одной стороны, США сами навязали Японии мирную конституцию, до минимума ограничивавшую ее военную деятельность, с другой – всячески подталкивали ее к расширению обязательств [Чугров 2010]. Попытки преодоления законодательных ограничений в военно-политической области делались и во второй половине 2010-х годов, однако существенных изменений добиться не удалось из-за нестабильности внутренней ситуации в Японии. Тем не менее премьер-министр Синдзо Абэ во время своего первого срока в 2006–2007 годов инициировал законопроект о преобразовании управления национальной обороны в полноценное министерство, что вызвало шквал критики соседних стран и более чем сдержанную реакцию в Вашингтоне [Sebata 2010: 193].

В период 1990–2000-х годов наиболее болезненным вопросом двусторонних отношений оставалось сохраняющееся присутствие американских вооруженных сил на японской территории, в том числе на острове Окинава. После ряда массовых акций протеста был дан старт консультациям относительно перемещения базы «Футэмма», однако к практическому результату прийти не удалось[26]. Невозможность совместить обещания по переносу базы, с позицией США, не заинтересованных в подобном развитии событий, привела к отставке премьер-министра Ю. Хатояма в 2010 году [Стрельцов 2012; Ширяев, Цветкова, Лексютина 2012: 119–120, 126].

Во второй половине 2000-х годов в Японии возобновилась общественная дискуссия относительно союза с Соединенными Штатами [Iokibe 2011] – обсуждалась возможность отказа от ориентации на Вашингтон в пользу развития отношений с Пекином [Семин 2010]. Вместе с тем подобные разговоры не выходили за рамки экспертных кругов и не препятствовали реальному углублению японо-американского взаимодействия в сфере обороны (прежде всего, в области ПРО).

5

Возвращение во власть Либерально-демократической партии в декабре 2012 г. ознаменовало собой новый период политической стабильности в новейшей истории Японии [Водопьянов 2015: 165]. Политика вновь ставшего премьером С. Абэ направлена на преодоление послевоенных ограничений, наложенных на Токио в сфере безопасности. С его приходом в 2012 г. дискуссии о модификации законодательства Японии в части оборонной политики перешли в стадию подготовки общественного мнения к планировавшимся изменениям, проработки возможных вариантов и непосредственно к практической реализации.

[26]Chanlett-Avery E., Rinehart I. The U.S. Military Presence in Okinawa and the Futenma Base Controversy. August 14, 2014. URL: http://www.fas.org/sgp/crs/row/R42645.pdf

27 ноября 2013 г. был принят законопроект по реорганизации совета национальной безопасности, в который вошли премьер-министр, руководитель аппарата правительства, министр обороны и министр иностранных дел[27]. Высказывались мнения, что создание данного органа было призвано стать первым шагом в долгосрочной программе С. Абэ по изменению трактовки конституции в отношении вопросов безопасности.

Почти одновременно под активным давлением Вашингтона был одобрен парламентом и вступил в силу закон «О сохранении определенных видов государственной тайны». Он ужесточил меру ответственности за разглашение секретов государства, а также предоставил руководителям 19 министерств и ведомств право накладывать грифы секретности на материалы, связанные с внешней политикой, обороной, противодействием терроризму и контрразведкой.

Следующим шагом стало смягчение барьеров для экспорта военной продукции. Первые подобные ограничения были введены в 1967 г. и заключались в «трех принципах»: не экспортировать вооружение в коммунистические государства, страны, против которых введены санкции ООН, и страны, участвующие или собирающиеся участвовать в международных конфликтах. Однако в 1976 г. был фактически введен запрет на любые поставки военной продукции, за исключением некоторых видов военных технологий для США.

Смена политического курса в данном направлении хорошо прослеживается в стратегии национальной безопасности Японии, утвержденной в декабре 2013 года. В соответствии с доктриной «проактивного пацифизма» Япония должна быть непосредственно вовлечена в международное сотрудничество по поддержанию мира, в том числе посредством разработки и производства военной техники[28]. В этой связи предлагается сформулировать такие принципы поставки вооружений за рубеж, которые соответствовали бы новым реалиям в сфере безопасности [Стрельцов 2013: 27]. 1 апреля 2014 г. были приняты «Три принципа трансфера продукции военного назначения», согласно которым запрет распространяется только на страны, находящиеся под санкциями ООН, участвующие в вооруженном конфликте или нарушающие обязательства, предусмотренные международными соглашениями[29].

Одним из важнейших изменений в военно-политической сфере стало принятие в июле 2014 г. новой правительственной интерпретации основного закона страны, согласно которой разрешается минимально необходимый для самозащиты уровень использования военной силы. Данный шаг знаменует собой важную веху в пересмотре послевоенного пацифистского законодательства. Если ранее правительство утверждало, что применение права на самооборону возможно только в случае вооруженного нападения на Японию, то теперь в свете возникновения новых угроз в регионе Токио рассчитывает на осуществление быстрой и качественной трансформации той сдержанности в военной сфере, которая определяла рамки американо-японского союза.

Японская трактовка права на коллективную самооборону существенно отличается от устоявшейся в мире точки зрения, согласно которой нападение на одного из участников союза автоматически приравнивается к нападению на всех. До последнего времени право на коллективную самооборону по мнению Токио распространялось только на случаи непосредствен-

[27]Defense of Japan 2015 (Annual White Paper): Part II: Japan's Defense Policy and the Japan–U.S. Security Arrangements. Chapter 1: The Basic Concepts of Japan's Security and Defense Policy. URL: http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2013/24_Part2_Chapter1_Sec4.pdf

[28]Outline of the National Security Strategy (Defense White Paper 2014). URL: http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2014/DOJ2014_2-3-2_web_1031.pdf

[29]«Три принципа трансфера продукции военного назначения»: http://www.kantei.go.jp/jp/kakugikettei/2014/__icsFiles/afieldfile/2014/04/01/20140401-1.pdf

ной угрозы суверенитету самой Японии. В новых условиях утверждается, что не только непосредственная угроза безопасности страны, но и нападение на союзное ей государство может повлечь угрозу выживания Японии и правам населения, провозглашаемым в конституции. В данной ситуации правительство предлагает ориентироваться на более конвенциональную интерпретацию права на коллективную самооборону[30].

Новый политический курс поможет Японии постепенно стать полноценным членом альянса, но повлечет расширение обязательств, а значит, и вовлечение в войны США по всему миру, чего опасаются многие эксперты [Takeuchi 2011]. Другие подчеркивают размытость формулировок новой трактовки и юридическую некорректность многих определений, что делает возможным интерпретировать их расширительно.

После принятия решения об изменении интерпретации конституции началась разработка нового законодательства, позволяющего Японии участвовать в военных действиях за границей. Как следствие, 14 мая 2015 г. кабинетом министров были одобрены два законопроекта: «О поддержании международного мира» и «О выработке законодательства в поддержку мира и безопасности»[31]. Наиболее серьезным практическим шагом на пути преодоления законодательных ограничений стало увеличение военного бюджета Японии – впервые за последние 11 лет[32]. Более того, С. Абэ увеличил оборонную статью бюджета за счет сокращения помощи зарубежным странам[33].

Новая политика в сфере безопасности, отвечая интересам США по наращиванию вклада Японии в общий потенциал, позволит укрепить связи в военно-политической области с западными странами. В первую очередь речь идет об углублении сотрудничества в области военных разработок между Японией и США как части общего курса на укрепление военно-политического альянса. Кроме того, новые принципы позволят Японии осуществлять военные поставки в страны, имеющие, подобно ей самой, территориальные споры с Китаем, например, в Филиппины и Вьетнам [Парамонов 2014]. Показательно, что правительство С. Абэ уже активно развивает сотрудничество с такими странами, как Австралия и Индия, выдвигая концепцию «ромба безопасности». Она призвана «объединить Австралию, Индию, Японию и штат Гавайи (США) в формировании зоны морской безопасности, простирающейся от региона Индийского океана до восточного берега Тихого океана»[34].

6

Реакция Вашингтона на инициативы Токио в сфере внешней и оборонной политики остается амбивалентной. США поддерживают программу перевооружения сил самообороны, увеличение военно-политической компоненты во внешней политике Токио. На протяжении всей истории альянса Япония выступала в роли «безбилетника» [Olson, Zeckhauser 1966], который экономил на обеспечении безопасности, полагаясь на американскую защиту. Проводимые преобразования способствуют некоторому выравниванию со-

[30]Defense of Japan 2015 (Annual White Paper): Part II: Japan's Security and Defense Policy and the Japan–U.S. Alliance. Chapter 1: Basic Concepts of Japan's Security and Defense, Section 2. URL: http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2015/DOJ2015_2-1-2_1st_0730.pdf

[31]Defense White Paper 2015. Part II: Japan's Security and Defense Policy and the Japan–U.S. Alliance. Chapter I, Section 3. URL: http://www.abc.net.au/news/2014-07-02/china-slams-japan-military-shift/5565630

[32]Defense of Japan 2013 (Annual White Paper. Foreword. URL: http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2013/01_Foreword.pdf

[33]«Defense outlays see first rise in 11 years»: http://www.japantimes.co.jp/news/2013/01/30/national/defense-outlays-see-first-rise-in-11-years/#.Vc9LE3AbGrU

[34]Abe S. Asia's Democratic Security Diamond. URL: http://www.project-syndicate.org/commentary/a-strategic-alliance-for-japan-and-india-by-shinzo-abe

отношения материальных затрат между союзниками (хотя военные расходы США по-прежнему значительно превышают японские)[35].

Вместе с тем сдержанно-негативную реакцию Вашингтона вызывают демонстративные жесты, направленные преимущественно на укрепление внутриполитических позиций С.Абэ и имеющие очевидно популистское значение [Стрельцов 2014: 42]. Премьер-министр, имеющий устойчивую репутацию националиста и ультраконсерватора, последовательно использует чувствительные темы в отношениях с соседями для достижения личных политических целей. В частности, несмотря на острую реакцию в Пекине и Сеуле, глава правительства в 2013 г. посетил храм Ясукуни.

Данный жест вызвал негативную реакцию не только со стороны региональных государств, но и США, и послужил одним из триггеров дискуссии об обременительном характере американских обязательств перед союзниками и их стратегической безответственности [Posen 2015]. На протяжении всего срока кабинета С. Абэ США также подвергали критике стремление японского руководства пересмотреть «заявление Коно»[36] и курс по внедрению новых трактовок учебников истории.

Неоднозначную реакцию Вашингтона вызывает и политика Токио в отношении региональных конфликтов. На рубеже 2010-х годов США демонстрировали сдержанную позицию в отношении обострившихся споров между Японией и КНР вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао. В частности, Соединенные Штаты не спешили оказать публичную поддержку в ходе кризиса 2010 года, пытаясь побудить Токио к поиску дипломатического компромисса[37]. Тем не менее в последние годы позиция США стала более артикулированной. В частности, в ноябре 2012 г. Конгресс Соединенных Штатов в законе о военном бюджете на 2013 г. специально подчеркнул, что американские гарантии распространяются на архипелаг. В 2014 г. в ходе визита в Японию эту же позицию высказал Б. Обама. Хотя эти обязательства сохраняются на протяжении нескольких десятилетий, их подтверждение на высоком уровне выступает сигналом вовлеченным в конфликт сторонам[38].

В условиях активного расширения присутствия КНР в Южно-Китайском море и утверждении на самом высоком уровне свободы судоходства в регионе в качестве национального интереса США[39] Япония открыто заявляет о намерении играть активную роль и в обеспечении безопасности в Юго-Восточной Азии в рамках политики «проактивного пацифизма». В своей речи на Азиатском саммите по безопасности («Диалог Шангри-Ла») в 2014 г. С. Абэ заявил, что Япония осуществляет всестороннюю помощь Филиппинам и Вьетнаму в решении территориальных споров, и предложил вернуться к духу Декларации поведения сторон от 2002 года.[40] Кроме того, премьер-министр пообещал странам АСЕАН поддержку в обеспечении безопасности в морском и воздушном пространствах[41].

[35]По расчетам Стокгольмского института исследования мира, в 2014 году расходы США превышали расходы Японии почти в 15 раз.

[36]Psaki J. Daily Press Briefing. June 20, 2014. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2014/06/228103.htm

[37]См. заявление госсекретаря Х. Клинтон (Clinton urges Japan and China to return to talks over disputed islands. November 1, 2010. URL: http://edition.cnn.com/2010/WORLD/asiapcf/10/30/vietnam.clinton.visit/)

[38]Singh B. Obama, the Senkaku/Diaoyu Islands, and the US-Japan Security Treaty. May 22, 2014. URL: http://nationalinterest.org/blog/obama-the-senkaku-diaoyu-islands-the-us-japan-security-10448

[39][Minamishinakai mondai ni okeru Nihon no yakuwari to kadai=Japan's Role and Challenges in the South China Sea Dispute] URL: https://www2.jiia.or.jp/RESR/column_page.php?id=211

[40]The 13th IISS Asian Security Summit –The Shangri-La Dialogue – Keynote Address by Prime Minister Abe. URL: http://japan.kantei.go.jp/96_abe/statement/201405/0530kichokoen.html

[41]Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. URL: http://www.asean.org/asean/external-relations/china/item/declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea

Токио внимательно следит за ситуацией в Южно-Китайском море, примеряя модель поведения Китая вокруг архипелага Спратли и Парасельских островов на территориальный спор вокруг Сэнкаку/Дяоюйдао[42].

Несмотря на то что формально США поддерживают позицию Японии по интернационализации споров в Южно-Китайском море, на экспертном уровне раздаются мнения о том, что подобная политика Токио грозит втянуть Вашингтон в потенциальный конфликт в Восточной и/или Юго-Восточной Азии. С началом «перебалансировки в Азию» США роль Японии в урегулировании споров в Южно-Китайском море постепенно также увеличивается. Летом 2015 г. подразделения сил самообороны впервые со времени окончания Второй мировой войны приняли участие в совместных учениях с Филиппинами[43]. Очевидно, что с принятием поправок к конституции, расширяющих сферу применения сил самообороны, вовлеченность Японии в урегулировании споров в Южно-Китайском море возрастет.

Хотя японо-американские разногласия сильнее всего проявляются в ситуации вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао, потенциал конфликтности здесь ниже, чем в Юго-Восточной Азии, что объясняется большей ответственностью участников территориального спора. Тем не менее в США последовательно идут дискуссии относительно рисков втягивания Вашингтона в конфликты в Восточной и Юго-Восточной Азии под влиянием союзников, в первую очередь Японии.

Для японского политического класса стремление США осуществить разворот в АТР и быть там сразу во всех сферах – военно-политической, экономической и идеологической – несет риски. Токио опасается, что, несмотря на формальную выгоду от большего вовлечения союзника в дела региона, Япония, по мере налаживания и укрепления отношений Вашингтона с государствами Восточной и Юго-Восточной Азии, рискует упасть в списке его приоритетов и остаться один на одни с Китаем. Вместе с тем характерная для американо-японских отношений глубокая институционализация связей носит интеграционный характер и сглаживает колебания уровней двустороннего взаимодействия, вызываемые как внутренними, так и глобальными причинами – это непосредственно влияет на устойчивую ориентацию Вашингтона и Токио на преференциальность связей друг с другом [Волков 2013: 66].

Ключевым вопросом японо-американского альянса остается расхождение в определении основ национальной безопасности каждого из участников и каким должен быть его вклад [Calder 2009]. Для США национальная безопасность заключается, прежде всего, в возможности отвечать на глобальные вызовы и угрозы. Для Японии национальная безопасность имеет, прежде всего, региональное измерение.

* * *

Американо-японский альянс, как и любой международно-политический союз, не лишен внутренних противоречий. Обе стороны, безусловно, выигрывают от сотрудничества. Вместе с тем они стремятся получить от него максимальные выгоды, сокращая издержки. В результате они сталкиваются с различными проявлениями «дилеммы альянсов». Игроки, с одной стороны, опасаются того, что союзник может попытаться втянуть их в ненужную конфронтацию. С другой – они вынуждены считаться с вероятностью того, что он откажется от выполнения своих обязательств в случае кризиса и пойдет на разрыв отношений. Более того, союз не лишен подозрений, что другая сторона не вносит достаточный вклад в общий потенциал сдерживания.

[42]Situation of the Senkaku Islands. URL: http://www.mofa.go.jp/a_o/c_m1/senkaku/page1we_000010.html

[43]Philippines–Japan Military Exercise Set to Begin. URL: http://asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/Philippines-Japan-military-exercise-set-to-begin

Изменение международной обстановки в последнее десятилетие обострило дилемму альянсов для американо-японского союза. В то же время, по сравнению с ситуацией «холодной войны», характер опасений у его участников изменился.

На протяжении большей части биполярного противостояния Токио сталкивался с рисками втягивания в противоборство сверхдержав, что могло привести его к вовлечению в конфликт против собственной воли. В условиях многомерной зависимости от США ценность военно-политического союза на официальном уровне сомнению не подвергалась. В то же время в Японии шли дебаты о сокращении бремени формальных и неформальных обязательств, накладываемых договором, в том числе в части свободы политических действий.

В США присутствовало недовольство малым вкладом Японии в общую безопасность, но они были готовы мириться с таким положением на фоне альтернативы потери важного союзника. Аккуратная политика Вашингтона способствовала тому, чтобы риск был минимизирован.

К 2010-м годам ситуация изменилась. Соединенные Штаты в условиях все большего осознания ограниченности собственных ресурсов, не отказываясь от предоставления гарантий безопасности, стараются переложить большую долю затрат на союзников. В то же время во взаимодействии с Токио опасения Вашингтона все больше вызывают его провокационные действия в отношении Китая. Таким образом, современное состояние дилеммы альянсов для США определяется, с одной стороны, необходимостью получения японской поддержки, а с другой – стремлением избежать связывания свободы маневра. Причем второй аспект представляется более значимым на фоне расширения сети американских партнеров в АТР.

Япония в настоящее время, напротив, больше опасается остаться один на один с Китаем в случае отказа Соединенных Штатов от исполнения юридически зафиксированных гарантий в области безопасности, а также неформальных обязательств по дипломатической поддержке союзника. Этот риск побуждает Токио наращивать свои возможности в военно-политической области, подтверждая собственную полезность Вашингтону. Рост военных расходов, большая вовлеченность в международные конфликты, а также сохранение американского военного присутствия могут вызвать нарастание общественного недовольства в Японии.

Выявленные противоречия в американо-японском альянсе не означают перспектив его скорого распада. Подобного рода разногласия характерны для любых союзнических отношений. В то же время их анализ демонстрирует серьезное влияние подъема Китая на стратегические императивы Вашингтона и Токио. Парадоксальным образом он обеспечивает расширение возможностей дистанцирования США от своего ключевого партнера в АТР. В современных условиях, на фоне роста своего отставания от Китая в объемах ВВП и уровне военных расходов, именно Япония оказывается более заинтересованной в укреплении союза.

Список литературы

Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М.: Конверт — МОНФ , 1997. 353 с.

Братерский М.В., Суслов Д.В. Возвращение США на Тихий океан // Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Отв. ред. Братерский М.В., ред.-сост. Роуз К.Б., Щербинина Ю.В. – М., 2014. 193 с.

Водопьянов К.Г. Факторы устойчивости кабинета Синдзо Абэ и трансформация внешней политики Японии. // Право и управление. XXI век. – 2015. – №.3 (36). С.164-169.

Волков С.В. США и Япония в мировой политике. // Вестник МГИМО. – 2013. – №.5 (32). С.62-68.

Гарри М. Конкурентные стратегии Китая и малых стран АСЕАН в Южно-Китайском море // Международные процессы. – 2015. – Том 13. №1. С. 81-88. DOI 10.17994/IT.2015.13.40.6

Добринская О.А. О внешнеполитических итогах деятельности Дз. Коидзуми. // Япония. Ежегодник – 2007. – №.36. С.84-101.

Добринская О.А. Японо–американские отношения во внешней политике ДПЯ. // Япония. Ежегодник – 2012. – No.41. С.51–66.

Киреева А.А. Соотношение сил великих держав в Восточной Азии. Метод структурированной оценки. // Международные процессы. – 2013. – № 3–4. С.95–102.

Колдунова Е.В. Формирование новой международно–политической ситуации в АТР. // Тихоокеанское обозрение 2012–2013 / Под ред. Н.П. Малетина, О.В. Новаковой, В.В. Сумского. – М.: Международные отношения, 2014. С.59–72.

Колдунова Е.В. Дефицит лидерства в Восточной Азии: шансы для малых и средних стран. // Международные процессы. – 2011. – No.2. С.70–81.

Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. США и Восточная Азия: борьба за "новый порядок". Москва: Международные отношения, 2010. 448с.

Мамонов М. Инерция и новации во внешней политике Китая. // Международные процессы. – 2010. – №3. С.30–39.

Носов М.Г. Япония – США: неизменность союза. // США–Канада. Экономика–политика–культура. – 2010. – №8. С.3–18.

Панов А.Н. США и многосторонние структуры по вопросам безопасности в АТР // США–Канада. Экономика–политика–культура. – 2013. – №9. С.3–14.

Парамонов О.Г. Адаптация японо–американского альянса к вызовам нового столетия: успехи и неудачи // Вестник МГИМО. – 2011. – №4. С.33–43.

Парамонов О.Г. Изменение базовых принципов оборонной политики Токио: причины и возможные последствия. – Япония. Ежегодник. – 2014. – No.43. С.28–43.

Политика США в Азиатско–Тихоокеанском регионе в период администрации Б. Обамы. / Отв.ред. Б.А. Ширяев, И.А. Цветков, Я.В. Лексютина. – СПб.: СПбГУ, 2012. 260с.

Семин А.В. США – Япония: полвека альянса. // США–Канада. Экономика–политика–культура. – 2010. №8. С.34–46.

Семин А.В. Токио – Пекин: от партнерства к противостоянию? – Япония. Ежегодник. – 2006. – №35. – С.41–54.

Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант. Под ред. ак. А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2011. 480 с.

Стрельцов Д.В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско–Тихоокеанском регионе. М.: Наука – Восточная литература, 2015. 279 с.

Стрельцов Д.В. Качественные сдвиги политики Японии в сфере военной безопасности в 2013 г. // Вестник МГИМО–университета. – 2013. – № 5 (32). – С.24–32.

Стрельцов Д.В. Некоторые приоритеты внешнеполитического курса второго кабинета С.Абэ // Япония в поисках новой глобальной роли / отв. редактор Д.В. Стрельцов. М.: Наука – Восточная литература, 2014. С.35–52.

Стрельцов Д.В. Новые тенденции в развитии японо–американских военно–политических отношений. – Вестник МГИМО. – 2012. – № 6 (27). С.54–60.

Чугров С.В. «Мягкая сила» Японии: китайское направление // Япония в поисках новой глобальной роли / отв. редактор Д.В. Стрельцов. М.: Наука – Восточная литература, 2014. С.127–144.

Чугров С.В. Отношения между СССР и Японией в 1950–х годах. // Российско–японские отношения в формате параллельной истории. Под научн. ред. А.В. Торкунова и Т. Иокибэ. М.: МГИМО–Университет, 2015. С.621–650.

Чугров С.В. Япония в поисках новой идентичности. Раздел 4. Гл. 2 // Двойные ловушки политической коммуникации в вопросах национальной безопасности Москва: Восточная литература, 2010. С.301–314.

Фененко А. Современные военно–политические концепции США // Международные процессы. – 2009. – № 1 (19). С.66–83.

Юдин Н. Системное прочтение феномена мягкой силы. // Международные процессы. – 2015. – No.2. С. 96–105. DOI 10.17994/IT.2015.13.2.41.7.

Beckley M. The Myth of Entangling Alliances. Reassessing the Security Risks of U.S. Defense Pacts. // International Security. – 2015. – Vol. 39, No. 4. P.7–48. DOI:10.1162/ISEC_a_00197

Buckley R. U.S.–Japan Alliance Diplomacy: 1945–1990. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 239 p.

Benson Br., Bentley P., Lee Ray J. Ally Provocateur: Why Allies Do Not Always Behave // Journal of Peace Research. – 2012. – Vol. 50, No. 1. P.47–58. DOI: 10.1177/0022343312454445

Brooks St., Ikenberry J., Wohlforth W. Don't Come Home America. The Case against Retrenchment. // International Security. – 2012/2013. – Vol. 37, No. 3. P.7–51. DOI:10.1162/ISEC_a_00107

Brown S. The Future of U.S. Global Power Delusions of Decline. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. 321p. DOI: 10.1057/9781137023162

Calder K. Alliance Endangered? Challenges from the Changing Political–Economic Context of U.S.–Japan Relations. // Asia Policy. – 2010. – No.10. P.21–27. DOI:10.1353/asp.2010.0026.

Calder K. Pacific Alliance. Reviving U.S.–Japan Relations. – New Haven: Yale University Press, 2009.
Cha V.D. Powerplay: Origins of the U.S. Alliance System in Asia. // International Security. – 2009/2010. – Vol. 34, No. 3. P.158–196. DOI: 10.1162/isec.2010.34.3.158
Cheng J.Y.S., Paladini St. Battle Ready? Developing a Blue Water Navy. China's Strategic Dilemma. // China: A New Stage of Development for an Emerging Superpower. / ed. by J. Cheng. Hong Kong: City University of Hong Kong, 2012. P.255–284.
Christensen Th., Snyder J. Chain Gangs and Passed Bucks: Predicting Alliance Patterns in Multipolarity // International Organization. – 1990. – Vol. 44, No. 2. P.137–168. DOI: http://dx.doi.org/10.1017/S0020818300035232
Christensen Th. Obama and Asia: Confronting the China Challenge // Foreign Affairs. – 2015. – No.5. P.28–36.
Christensen Th. Worse than a Monolith: Alliance Politics and Problems of Coercive Diplomacy in Asia. Princeton: Princeton University Press, 2011. 306p.
Christensen Th. The Advantages of an Assertive China. // Foreign Affairs. – 2011. – No.2. P.54–67.
DiFilippo A. The Challenges of the U.S.–Japan Military Arrangement: Competing Security Transitions in a Changing International Environment. London: Routledge, 2002. 272p.
Douglas J.A. Commitment without Control: The Burdensharing Dilemma in the U.S.–Japan Alliance. Honors Theses. College of William and Mary. Paper 28. 2014. P.7–27.
Fukuyama F., Oh K. The U.S.–Japan Security Relationship after the Cold War. RAND Corporation, 1993. 106 p.
Hosaka M., Togo K. Nihon-no Ryodo Mondai (Japan's Territorial Disputes). – Tokyo: Kadokawa Publishing, 2012.
Hurst G. The U.S.–Japanese Alliance at Risk // Japan's Role in International Politics since World War II. Ed. by Beauchamp E. London: Routledge, 2013. P.69–76.
Iokibe M. Japanese Diplomacy after the Cold War // The Diplomatic History of Postwar Japan. Ed. by Iokibe M. London: Routledge, 2011. P.173–209.
Kearn D.W. Air–Sea Battle and China's Anti–Access and Area Denial Challenge. // Orbis. – Winter 2014. – Vol. 58, No. 1. P.132–146. DOI:10.1016/j.orbis.2013.11.006
Kim T. Why Alliances Entangle but Seldom Entrap States. // Security Studies. – 2011. – Vol. 20. P.350–377. DOI:10.1080/09636412.2011.599201
Kugler R. Policy Analysis in National Security Affairs: New Methods for a New Era. Washington: National Defense University Press, 2006. 639p.
Kupchan Ch., Kupchan C. Concerts, Collective Security and the Future of Europe // International Security. – Vol. 16. No 1 (Summer 1991). P.116–164. DOI: 10.2307/2539053
Layne C. This Time It's Real: The End of Unipolarity and the Pax Americana // International Studies Quarterly. – 2012. – Vol. 56, No. 1. P.203–213. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2011.00704.x.
Levy J.S. Alliance Formation and War Behavior: An Analysis of the Great Powers, 1495–1975. // Journal of Conflict Resolution. – 1981. – Vol. 25, No. 4. P.581–613.
Lieberthal K., Wang J. Addressing U.S.–China Strategic Distrust. John L. Thornton China Center Monograph Series. – March 2012. – No. 4. Washington: Brookings, 2012. P.7–19.
Maier Ch. Thucydides, Alliance Politics, and Great Power Conflict. // The Next Great War?: The Roots of World War I and the Risk of U.S.–China Conflict (Belfer Center Studies in International Security). Ed. by Rosecrance R., Miller S. Cambridge: MIT Press, 2015. P.91–99.
Mead W.R. The Return of Geopolitics // Foreign Affairs. – 2014. – No.3.
Mearsheimer J. The False Promise of International Institutions // International security. – 1994. – Vol. 19, No. 3. P.5–49. DOI: 10.2307/2539078
Monteiro N.P. Theory of Unipolar Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 296p.
Montgomery E.B. Contested Primacy in the Western Pacific. China's Rise and the Future of U.S. Power Projection // International Security. – Spring 2014. –Vol. 38, No. 4. P.115–149. DOI:10.1162/ISEC_a_00160
Morrison W.M. China–U.S. Trade Issues. Congressional Research Service Report. March 17th, 2015. 27 p.
Morrow J.D. Alliances: Why Write Them Down? // Annual Review of Political Science. – 2000. P.63–83. DOI:10.1146/annurev.polisci.3.1.63.
Nye J. Is the American Century over? Cambridge: Polity Press, 2015. 152p.
O'Rourke R. China Naval Modernization: Implications for U.S. Navy Capabilities—Background and Issues for Congress. Congressional Research Service Report. Washington: September 15, 2015. 131p.
Ogata S. Sengo Nitchu, Beinichi Kankei (Japan–China and Japan–U.S. Relations after War). Tokyo: Tokyo University Press, 2012.
Ohtomo T. Understanding U.S. Overseas Military Presence after World War II // Journal of International and Advanced Japanese Studies. – March 2012. – Vol. 4. P.17–29.

Olson M., Zeckhauser R. An Economic Theory of Alliances // The Review of Economics and Statistics. – 1966. – Vol. 48, No. 3. P.266–279. DOI: 10.2307/1927082
Packard G. The United States–Japan Security Treaty at 50. Still a Grand Bargain? // The Foreign Affairs. – 2010. – No.2.
Pei M. How China and America See Each Other. // Foreign Affairs. – 2014. – No. 2. P.143–147.
Posen B. Restraint: A New Foundation for U.S. Grand Strategy. Ithaca: Cornell University Press, 2015. 256p.
Pressman J. Warring Friends: Alliance Restraint in International Politics. – Ithaca: Cornell University Press, 2008. 192p.
Pyle K. International Order and the Rise of Asia: History and Theory. // Strategic Asia 2011–12: Asia Responds to Its Rising Powers–China and India. – 2011. P.38.
Pyle K. Restructuring Foreign and Defense Policy: Japan // Asia–Pacific in the New World Order. Ed. by Ch.Brook, A.McGrew. London: Routledge, 1998. P.121–136.
Ratner E. Rebalancing to Asia with an Insecure China. // The Washington Quarterly. – 2013. – 36:2. P.21–38. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/0163660X.2013.791080.
Reich S., Lebow R. N. Good–bye Hegemony: Power and Influence in the Global System. Princeton: Princeton University Press, 2014. 208p.
Rosencrance R.N. Allies, Overbalance and War. // The Next Great War? The Roots of World War I and the Risk of U.S.–China Conflict. ed. by R.N. Rosencrance, S.E. Miller. Cambridge MA: MIT Press, 2015. P. 45–56.
Sandler T., Hartley K. Economics of Alliances: The Lessons for Collective Action. // Journal of Economic Literature. – 2001. – Vol. 39. P.869–896.
Schroeder P.W. Alliances, 1815–1945: Weapons of Power and Tools of Management //Historical Dimensions of National Security Problems. – 1976. – P.230–233.
Sebata T. Japan's Defense Policy and Bureaucratic Politics, 1976–2007. – Lanham: University Press of America, 2010. 540p.
Smith S. Japan's New Politics and the U.S.–Japan Alliance. N.Y.: CFR, 2014. 58p.
Snyder G.H. Alliance Politics. Ithaca: Cornell University Press, 1997. 432p.
Takeuchi T. Nichibei Domei Ron (Theories of Japan–U.S. Alliance). – Kyoto: Minerva Shyobo Publishing, 2011.
Walt St. The Origins of Alliance. Ithaca: Cornell University Press, 1990. 336p.
Waltz K. Theory of International Politics. Boston.: Addison–Wesley Pub. Co., 1979. 251p.
Wei Ling. Rebalancing or De–Balancing: U.S. Pivot and East Asian Order. // American Foreign Policy Interests. – 2013. – Vol. 35, No. 3. P.148–154. DOI:10.1080/10803920.2013.799416.
Zakaria F. Post–American World. – N.Y.: W.W. Norton & Company, 2008. 292p.

TRANSFORMATION OF THE AMERICAN-JAPANESE ALLIANCE

IGOR ISTOMIN
KONSTANTIN VODOPYANOV
MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The redistribution of power in the group of leading world powers is related to the rise of China and the comparative weakening of the U.S. positions in world politics. It has a substantial impact on the development of the U.S.-Japan alliance, which has been one of the most stable and important elements of regional architecture in East Asia in recent decades. Meanwhile, such a topic has been neglected by the research community in recent years. The purpose of present article is to reveal contradictions in the

evolution of the U.S.-Japan military-political alliance and identify current trends of its transformation. The authors conclude that complications may arise in the interaction of China and the U.S. because of policies adopted by other countries. In particular, the intensification of the contradictions between China and Japan could lead to the engagement of the United States in the dynamics of their rivalry.

The article considers the conceptual issues of the modern theory of military-political alliances, and analyzes the possible impact of "alliance dilemma" on the behavior of the world's leading powers. In addition, it includes an analysis of the evolution of U.S.-Japan relations in the military-political sphere since the 1950s. The article claims that contrary to the period of bipolar competition the nature of the contradictions in this bilateral alliance have changed fundamentally. Before the 1990s Japan's main concerns were related to the probability of being involved in conflicts with the communist powers, initiated by the United States; today Japan is much more concerned about the prospect in which it will be left without U.S. support in its conflict with China. The United States, by contrast, have to rely on Japan's assistance in the military, political and technical spheres more widely. However, they are concerned about the political venture of Japan against China.

Keywords:

The U.S.-Japan alliance; the U.S. strategy; restraints on military forces of Japan; Shinzō Abe's cabinet; anti-ballistic missile system of the U.S.; Asia-Pacific, the rise of China.

References

Beckley M. (2015). The Myth of Entangling Alliances. Reassessing the Security Risks of U.S. Defense Pacts. *International Security*. Vol. 39, No. 4. P.7–48. DOI:10.1162/ISEC_a_00197

Benson Br., Bentley P., Lee Ray J. (2012). Ally Provocateur: Why Allies Do Not Always Behave. *Journal of Peace Research*. Vol. 50, No. 1. P.47–58. DOI: 10.1177/0022343312454445

Bogaturov A.D. (1997). *Velikie derzhavy na Tikhom okeane* [Great Powers on Pacific Ocean]. Moscow: Konvert – MONF. 353 p.

Braterskii M.V., Suslov D.V. (2014). Vozvrashchenie SShA na Tikhii okean [The Return of the United States to the Pacific Ocean]. *In Politika SShA v Aziatsko–Tikhookeanskom regione*. ed. by M.V. Braterskii, K.B. Rouz, Iu.V. Shcherbinina. Moscow. 193p.

Brooks St., Ikenberry J., Wohlforth W. (2012/2013). Don't Come Home America. The Case Against Retrenchment. *International Security*. Vol. 37, No. 3. P.7–51. DOI:10.1162/ISEC_a_00107

Brown S. (2013). *The Future of U.S. Global Power Delusions of Decline*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 321p. DOI: 10.1057/9781137023162

Buckley R. (1992). *U.S.–Japan Alliance Diplomacy: 1945–1990*. Cambridge: Cambridge University Press. 239p.

Calder K. (2010). Alliance Endangered? Challenges from the Changing Political–Economic Context of U.S.–Japan Relations. *Asia Policy*. No.10. P.21–27. DOI:10.1353/asp.2010.0026.

Calder K. (2009). *Pacific Alliance. Reviving U.S. – Japan Relations*. – New Haven: Yale University Press. P.237–238.

Cha V.D. (2009/2010). Powerplay: Origins of the U.S. Alliance System in Asia. *International Security*. Vol. 34, No. 3. P.158–196. DOI: 10.1162/isec.2010.34.3.158

Cheng J.Y.S., Paladini St. (2012). Battle Ready? Developing a Blue Water Navy. China's Strategic Dilemma. In *China: A New Stage of Development for an Emerging Superpower*. / ed. by J. Cheng. Hong Kong: City University of Hong Kong. P.255–284.

Christensen Th.J., Snyder J. Chain Gangs and Passed Bucks: Predicting Alliance Patterns in Multipolarity. *International Organization*. 1990. Vol. 44, No. 2. P.137–168. DOI: 10.1017/S0020818300035232

Christensen Th.J. (2015). Obama and Asia: Confronting the China Challenge. *Foreign Affairs*. No. 5. P.28–36.

Christensen Th.J. (2011). *Worse than a Monolith: Alliance Politics and Problems of Coercive Diplomacy in Asia*. Princeton: Princeton University Press. 306p.

Christensen Th.J. (2011). The Advantages of an Assertive China. *Foreign Affairs*. No.2. P.54–67.

Chugrov S.V. (2014). "Myagkaya sila" Yaponiya: kitaiskoye napravleniye [Japanese «Soft Power»: Chinese Direction]. In *Yaponiya v poiskakh novoy globalnoy roli*. Ed. by D.V. Streltsov. Moscow, ASPEKT Press. P.127–144.

Chugrov S.V. (2015). Otnosheniya mezhdu SSSR i Yaponiey v 1950–kh godakh [Relations between USSR and Japan in 1950s]. In *Rossiisko–yaponskiye otnosheniya v formate parallelnoy istorii*. Ed. by A.V. Torkunov and Makoto Iokibe. Moscow: MGIMO–Univeristy. P.621–650.

Chugrov S.V. (2010). Yaponiya v poiskakh novoy identichnosti [Japan in Search of New Identity]. Razdel 4. Gl. 2. *Dvoynyye lovushki politicheskoy kommunikatsii v voprosakh natsional'noy bezopasnosti*. Moscow: Vostochnaya Literatura. P.301–314.

DiFilippo A. (2002). *The Challenges of the U.S.–Japan Military Arrangement: Competing Security Transitions in a Changing International Environment.* London: Routledge. 272p.

Dobrinskaia O.A. (2007). O vneshnepoliticheskikh itogakh deiatel'nosti Dz. Koidzumi [About the Foreign Policy Results of J.Koizumi]. *Yaponija. Ezhegodnik*. No.36. P.84–101.

Dobrinskaia O.A. (2012). Yapono–amerikanskie otnosheniia vo vneshnei politike DPIa [Japan–U.S. Relations in the Foreign Policy of the DPJ]. *Yaponiia. Ezhegodnik*. No.41. P.51–66.

Douglas J.A. (2014). *Commitment without Control: The Burden sharing Dilemma in the U.S.–Japan Alliance.* Honors Theses. College of William and Mary. Paper 28. 2014. P.7–27.

Dynkin A.A. (ed.) (2011). Strategicheskii global'nyi prognoz 2030 [Strategic Global Outlook 2030]. Moscow: Magistr. 480 p.

Fenenko A. (2009). Sovremennye voenno–politicheskie kontseptsii SShA [Contemporary Political–Military U.S. Conceptions]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 7, No.1 (19). P.66–83.

Fukuyama F., Oh K. (1993). *The U.S.–Japan Security Relationship after the Cold War*. RAND Corporation. 106p.

Hosaka M., Togo K. (2012). *Nihon–no Ryodo Mondai (Japan's Territorial Disputes).* Tokyo: Kadokawa Publishing.

Hurst G. (2013). The U.S.–Japanese Alliance at Risk. In *Japan's Role in International Politics since World War II*. Ed. by Beauchamp E. London: Routledge. P.69–76.

Iokibe M. (2011). Japanese Diplomacy after the Cold War. In *The Diplomatic History of Postwar Japan*. Ed. by Iokibe M. London: Routledge. P.173–209.

Kearn D.W. (2014). Air–Sea Battle and China's Anti–Access and Area Denial Challenge. *Orbis*. Vol. 58, No. 1. P.132–146.

Kim T. (2011). Why Alliances Entangle but Seldom Entrap States. *Security Studies*. Vol. 20. P.350–377. DOI:10.1080/09636412.2011.599201

Kireeva A.A. (2013). Sootnoshenie sil velikikh derzhav v Vostochnoi Azii. Metod strukturirovannoi otsenki [The Balance of Forces of the Great Powers in East Asia. Structured Method of Evaluation]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No.3–4. P.95–102.

Koldunova E.V. (2014). Formirovanie novoj mezhdunarodno–politicheskoi situatsii v ATR [Formation of a New International Political Situation in the Asia–Pacific]. In *Tikhookeanskoe obozrenie* 2012–2013 ed. by N.P. Maletina, O.V. Novakovoi, V.V. Sumskogo. M.: Mezhdunarodnye otnosheniia [International Relations]. P.59–72.

Koldunova E.V. (2011), Defitsit liderstva v Vostochnoi Azii: shantsy dlya malykh i srednikh stran [The Deficit of Leadership in East Asia: the Chances for Small and Medium–Sized Countries]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No.2. P.70–81.

Krupianko M.I., Areshidze L.G. (2010). *SShA i Vostochnaya Aziya: bor'ba za "novyi poryadok"* [The United States and East Asia: the Struggle for the "New Order"]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 448 p.

Kugler R. (2006). *Policy Analysis in National Security Affairs: New Methods for a New Era.* Washington: National Defense University Press. 639p.

Kupchan Ch., Kupchan C. (1991). Concerts, Collective Security and the Future of Europe *International Security*. Vol. 16. No. 1. P.116–164. DOI: 10.2307/2539053

Layne C. (2012). This Time It's Real: The End of Unipolarity and the Pax Americana. *International Studies Quarterly*. Vol. 56, No. 1. – P.203–213. DOI: 10.1111/j.1468–2478.2011.00704.x.

Levy J.S. (1981). Alliance Formation and War Behavior: An Analysis of the Great Powers, 1495–1975. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 25, No. 4. P.581–613.

Lieberthal K., Wang J.(2012). *Addressing U.S.–China Strategic Distrust.* John L. Thornton China Center Monograph Series. March 2012. No. 4. Washington: Brookings.

Maier Ch. (2015). Thucydides, Alliance Politics, and Great Power Conflict. *The Next Great War? The Roots of World War I and the Risk of U.S.–China Conflict* (Belfer Center Studies in International Security). Ed. by Rosecrance R., Miller S. Cambridge: MIT Press. P.91–99.

Mamonov M. (2014). Inertsiya i novatsii vo vneshnei politike Kitaya [Inertia and Innovation in China's Foreign Policy]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No.3. P.30–39.

Mead R.W. (2014). The Return of Geopolitics. *Foreign Affairs*. No.3.

Mearsheimer J. (1994). The False Promise of International Institutions. *International security*. Vol. 19. No. 3. P.5–49. DOI: 10.2307/2539078

Monteiro N.P. (2014). *Theory of Unipolar Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 296p.

Montgomery E.B. (2014). Contested Primacy in the Western Pacific. China's Rise and the Future of U.S. Power Projection. *International Security*. Vol. 38, No. 4. P.115–149. DOI:10.1162/ISEC_a_00160

Morrison W.M. (2015). *China–U.S. Trade Issues*. Congressional Research Service Report. March 17th. P. 2–27.

Morrow J.D. (2000). Alliances: Why Write Them Down? A*nnual Review of Political Science*. P. 63–83. DOI:10.1146/annurev.polisci.3.1.63.

Nosov M.G. (2010). Yaponiia – SShA: neizmennost' soiuza [Japan – U.S.: the Immutability of Alliance]. *SShA–Kanada. Ekonomika–politika–kul'tura*. No.8. P.3–18.

Nye J. (2015). Is the American Century over? Cambridge: Polity Press. 152p.

O'Rourke R. (2015). *China Naval Modernization: Implications for U.S. Navy Capabilities—Background and Issues for Congress*. Congressional Research Service Report. Washington: September 15. 131p.

Ogata S. (2012). *Sengo Nittyu, Beinichi Kankei (Japan–China and Japan–U.S. Relations after War)*. Tokyo: Tokyo University Press.

Ohtomo T. (2012). Understanding U.S. Overseas Military Presence after World War II. *Journal of International and Advanced Japanese Studies*. Vol. 4, March 2012. P.17–29.

Olson M., Zeckhauser R. (1966). An economic theory of alliances. *The Review of Economics and Statistics*. Vol. 48, No. 3. P.266–279.

Packard G. (2010). The United States–Japan Security Treaty at 50. Still a Grand Bargain? *Foreign Affairs*. No.2.

Panov A.N. (2013). SShA i mnogostoronnie struktury po voprosam bezopasnosti v ATR [U.S. and Multilateral Framework on Security Issues in the Asia–Pacific]. *SShA–Kanada. Ekonomika–politika–kul'tura*. No.9. P.3–14.

Paramonov O.G. (2011). Adaptatsiia yapono–amerikanskogo al'yansa k vyzovam novogo stoletiia: uspekhi i neudachi [Adapting the Japan–U.S. Alliance for the Challenges of the New Century: Successes and Failures]. *Vestnik MGIMO*. No.4. P.33–43.

Paramonov O.G. (2014). Izmenenie bazovykh printsipov oboronnoi politiki Tokio: prichiny i vozmozhnye posledstviia [Changes in the Basic Principles of Japan's Defense Policy: Causes and Possible Consequences]. In *Yaponiya. Ezhegodnik*. P.28–43.

Pei M. (2014). How China and America See Each Other. *Foreign Affairs*. No. 2. P.143–147.

Posen B. (2015). *Restraint: A New Foundation for U.S. Grand Strategy*. Ithaca: Cornell University Press. 256p.

Pressman J. (2008). *Warring Friends: Alliance Restraint in International Politics*. Ithaca: Cornell University Press. 192p.

Pyle K. (2011). International Order and the Rise of Asia: History and Theory. *Strategic Asia 2011–12: Asia Responds to Its Rising Powers – China and India*. P.38.

Pyle K. (1998). Restructuring Foreign and Defence Policy: Japan. *Asia–Pacific in the New World Order*. Ed. by Ch.Brook, A.McGrew. London: Routledge. P.121–136.

Ratner E. (2013). Rebalancing to Asia with an Insecure China. *The Washington Quarterly*. 36:2. P.21–38. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/0163660X.2013.791080.

Reich S., Lebow R.N. (2014). *Good–bye Hegemony: Power and Influence in the Global System*. Princeton: Princeton University Press. 208p.

Rosencrance R.N. (2015). Allies, Overbalance and War. *The Next Great War? The Roots of World War I and the Risk of U.S.–China Conflict*. ed. by R.N. Rosencrance, S.E. Miller. Cambridge MA: MIT Press. P.45–56.

Sandler T., Hartley K. (2001). Economics of Alliances: The Lessons for Collective Action. *Journal of Economic Literature*. Vol. 39. P.869–896.

Schroeder P.W. (1976). *Alliances, 1815–1945: Weapons of Power and Tools of Management Historical Dimensions of National Security Problems*. P.230–233.

Sebata T. (2010). *Japan's Defense Policy and Bureaucratic Politics, 1976–2007*. Lanham: University Press of America. 540p.

Semin A.V. (2010). SShA – Yaponiya: polveka al'yansa [U.S.–Japan: a Half–Century Alliance]. *SShA–Kanada. Ekonomika–politika–kul'tura*. No.8. P.34–46.

Semin A.V. (2006). Tokio – Pekin: ot partnerstva k protivostoianiiu? [Tokyo – Beijing: from Partnership to Confrontation?]. In *Yaponiya. Ezhegodnik*. No.35. P.41–54.

Shiryaev B.A., Tsevtkova I.A., Leksyutina Ya.V. (eds) (2012). *Politika SShA v Aziatsko–Tikhookeanskom regione v period administratsii B. Obamy*. St. Petersburg: St. Petersburg State University. 260 p.

Smith S. (2014). *Japan's New Politics and the U.S.–Japan Alliance*. N.Y.: CFR. 58p.

Snyder G. H. (1997). Alliance Politics. Ithaca: Cornell University Press. 432p.

Strel'tsov D.V. (2015). *Vneshnepoliticheskie prioritety Yaponii v Aziatsko–Tikhookeanskom regione* [Priorities of Japan's Foreign Policy in the Asia–Pacific]. M. : Nauka – Vostochnaia literatura,. 279p.

Strel'tsov D.V. (2013). Kachestvennye sdvigi politiki Iaponii v sfere voennoi bezopasnosti v 2013 g. [Qualitative Changes in Japan's Policy in the Field of Military Security in 2013] *Vestnik MGIMO* Universiteta. No.5 (32). P.24–32.

Strel'tsov D.V. (2014). Nekotorye prioritety vneshnepoliticheskogo kursa vtorogo kabineta S.Abe [Certain Foreign Policy Priorities Facing Abe's Second Cabinet]. In *Yaponiia v poiskakh novoi global'noi roli*. Ed. by D.V. Strel'tsov. Moscow: Nauka – Vostochnaia literatura. P.35–52.

Strel'tsov D.V. (2012). Novye tendentsii v razvitii iapono–amerikanskikh voenno–politicheskikh otnoshenii [New Trends in the Development of the U.S.–Japan Military and Political Relations]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No.6 (27). P.54–60.

Takeuchi T. (2011). *Nichibei Domei Ron (Theories of Japan–U.S. Alliance).* – Kyoto: Minerva Shyobo Publishing.

Vodopyanov K.G. (2015). Faktory ustoichivosti kabineta Sindzo Abe i transformatsiia vneshnei politiki Iaponii [Factors of Stability of Shinzō Abe's Cabinet and Transition of Japanese Foreign Policy]. *Pravo i upravlenie*. XXI vek. No.3 (36). P.164–169.

Volkov S.V. (2013). SShA i Iaponiia v mirovoi politike [The USA and Japan in World Politics]. *Vestnik MGIMO*. No.5 (32). P.62–68.

Walt St. (1990). *The Origins of Alliance*. Ithaca: Cornell University Press. 336p.

Waltz K. (1979). *Theory of International Politics*. N.Y.: McGraw–Hill. 251p.

Wei Ling. (2013). Rebalancing or De–Balancing: U.S. Pivot and East Asian Order. *American Foreign Policy Interests*. Vol. 35, No. 3. P. 148–154. DOI:10.1080/10803920.2013.799416.

U.S. Foreign Policy in the Asia–Pacific Region Under the B. Obama Administration. / Ed. by B. Shiryaev, I.Tsvetkov, Ya. Leksyutina. – St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2012. 260p.

Yudin N. (2015). Sistemnoe prochtenie fenomena miagkoi sily [Systemic Reading of the Phenomenon of Soft Power]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No.2. P. 96–105. DOI 10.17994/IT.2015.13.2.41.7.

Zakaria F. (2008). *Post–American World*. N.Y.: W.W. Norton & Company. 292p.